

КАДРЫ

Орган парткома ВКП(б), комитета ВЛКСМ, профкома и дирекции Томского индустриального института имени Сергея Мироновича Кирова

Выходит 1 в шестиднезку

№ 5 (157) Год издания VII. 10 февраля 1937 г.

Наш современник, наш поэт

Сто лет прошло со дня гибели великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Сто лет! Век тому назад перестало биться пламенное сердце неповторимого гения мирового искусства. Его горение, его гений, вложенный в „заветную лиру“, пережили его прах и убежали от тления времени... Сто лет отделяют нас от дня гибели поэта, а он сейчас меж нами—живой, в плоти и крови своих творений. Он наш, он больше наш современник, чем был современником людей своей эпохи!

В каждом уголку необъятного Советского Союза, от Черного моря до Тихого океана, от крайнего севера до жаркого юга—всюду и старики, и молодежь, и дети любовно изучают творчество великого русского поэта.

Миллионные народные массы лишь после Великой Пролетарской революции вплотную прикоснулись к вершинам искусства и культуры, воплощенным в пушкинском творчестве.

Неоценимо для нас пушкинское наследство... Приобщаясь к пушкинским творениям, человек безмерно обогащает себя. Он наслаждается несравненной музыкой его стихов. Он вбирает в себя аромат пушкинской горячей любви к жизни. Он проникается радостью и негодованием: радостью за светлые стороны жизни и негодованием к дурным. Он формирует свой художественный вкус, оттачивает свою речь, свое мышление.

Нам Пушкин дорог как создатель русского литературного языка и родоначальник новой русской литературы, как передовой человек своей эпохи, как бесстрашный новатор культуры, как великий жизнелюбец, как близкий нам человек.

Страстный поборник жизненной истины, он могуче отразил в своем творчестве красоту и величие борьбы против тупого и отвратительного, что наполняло жизнь тогдашней России. А. М. Горький писал в своей статье о Пушкине:

„Пока Пушкин шел тропой романтизма, протоптанной до него, пока он подражал французам, Байрону, Батюшкову, Жуковскому,—общество, замечая его удивительный талант, ценило музыку нового стиха,—одобряло поэта. Но как только он встал на свои ноги и заговорил чистым русским, народным языком, начал вводить в литературу народные мотивы, обыденную жизнь, стал изображать жизнь реально, просто и верно,—общество стало относиться к нему насмешливо и враждебно, чувствуя в нем строгого судью, беспристрастного свидетеля русской пошлости, невежества и рабства, жестокости и холопства перед силою власти“.

За эту любовь к жизни, за пламенность и искренность своих чувств, за свободолобие он заплатил своей кровью и жизнью. „Трагическая гибель мятежного и непокорного поэта, затравленного великосветской чернью, волнует советское юношество как один из самых драматических эпизодов общественной жизни царской России“ (А. Косарев).

При всей тяжести своей жизни, среди непрерывной травли поэт излучал взволнованную ласку к человеку, томился неутолимой жаждой народного счастья.

„Вот такого Пушкина, Пушкина—жизнелюбца, певца человеческих чувств нужно донести до советской молодежи, до советской детворы. Не надо навешивать на Пушкина, по выражению В. В. Маяковского, „хрестоматийный глянec“. Такой глянec навешивали на Пушкина до революции... Советский народ знакомится со своим великим народным поэтом во всем подлинном многообразии его гения. Мы не должны терпеть никаких искажений дорогого нам облика Пушкина“ (Комс. Правда).

Советская молодежь овладевает высотами культуры, повышает свой культурный уровень. Она знакомится и изучает неисчерпаемый источник величайшей культуры—творчество Пушкина.

Как угас природы дар;
Но силы слов его творений
Не померк великий жар.
Весть о Тебе прошла по всей
земле великой,
Тебя называл „всё сущий“ в ней
язык;
И негр, и австралиец полуликий;
Тебя называл простой мужик.
А тот народ,
Что дивно был воспет Тобою,
Ныне властвует странею;
Он новый мир теперь творит,
И о тебе, поэт,
Уж много лет
Чувства добрые хранит.

П. Зернов.

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Отмщение, государство, отмщение!
Падать к ногам твоим;
Будь справедливым и накажи убийцу.
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Погиб поэт!—невольник чести—
Пал, оклеветанный молвой.
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой...
Не выслезла душа поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!
Убит!... К чему теперь рыдания,
Пустых похвал ненужный хор,
И жалкий лепет оправданий?
Судьбы свершился приговор!
Не вы ль сперва так злобно гнали,
Его свободный, смелый дар
И для потехи раздвигали
Чуть затаившийся пожар?
Что ж? веселитесь... он мучений
Последних вынести не мог:
Угас, как свеч, дивный гений,
Увял торжественный венок.
Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасения нет,
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнула пистолет.
И что за диво?.. из далека,
Подобный сотням беглецов,
На ловлю счастья и чинов,
Заброшен к нам по воле рока;
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог шадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!...
И он убит—и взят могилкой,
Как тот неведомый, но милый,
Добыча ревности гаухой,
Воспетый им с такою чудной силой,
Сраженный, как и он, безжалостной рукой.
Зачем от мирных нег и дружбы протодушной

Вступил он в этот свет завистливый
су душный
Для сердца вольного и пламенных
страстей?
Зачем он руку дал клеветникам ничтожным,
Зачем поверил он словам и ласкам ложным,
Он, с юных лет постигнувший людей?..
И прежний сняв венок—они венец терновый,
Убитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Явили славное чело;
Отравлены его последние мгновенья
Коварным шепотом насмешливых неведомых,
И умер он—с напрасной жаждой мщенья,
С досадою тайною обманутых надежд.
Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать.

А вы, надменные потомки
Известной подлостью прославленных отцов,
Пятаю рабскою поправившие обломки
Игрою счастья обиженных родов!
Вы, жалкою толпой стоящие у трона,
Свободы, Гени и Славы палачи!
Танцуете вы под сенным законом,
Пред нами суд и правда—все молчи!...
Но есть, есть божий суд. Наперсники разврата,
Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злобному слову:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не сможете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ ЖИЗНИ А. С. ПУШКИНА

(Из письма Б. А. Жуковского к С. Л. Пушкину в первоначальной редакции)

Домой возвратились в шесть часов. Камердинер взял его на руки и понес на лестницу.—Грустно тебе нести меня?—спросил у него Пушкин. Послали за докторами. Арендата не нашли; приехали Шольц и Задлер. В это время с Пушкиным были Данзас и Плетнев. Пушкин велел всем выйти.

„Плохо со мною“,—сказал он, подавая руку Шольцу.—„Не желаете ли видеть кого из ваших близких приятелей?“—спросил Шольц. „Прощайте, друзья!“—сказал Пушкин, и в это время глаза его обратились на его библиотеку. С кем он прощался в эту минуту, с живыми ли друзьями, или с мертвыми, не знаю. Он, немного погодя, спросил: „Разве вы думаете, что я часу не проживу?“—„О, нет! Но я полагаю, что вам будет приятно увидеть кого-нибудь из ваших. Г-н Плетнев здесь“.—„Да, но я желал бы Жуковского. Дайте мне воды, тихонит“.

И особенно замечательно то, что в эти последние часы жизни он как будто сделался иной; буря, которая за несколько часов волновала его душу яростною страстью, исчезла, не оставив на нем никакого следа; ни слова ниже воспоминания о поединке. Однажды только, когда Данзас упомянул о Геккериере, он сказал: „Не мстите за меня я все простил“.

„Мне все надеемся“,—сказал он,—не стесняйтесь и ты“.—„Нет“,—отвечал он,—мне здесь не житье, я умру, да рано так и надо“.

Возвращаясь к своему описанию. После Дали ободить жену надеждою, Пушкин сам не имел никакой. Однажды спросил он: „Который час?“ И на ответ Дали продолжал прерывающимся голосом: „Долго ли... мне... так мучиться?.. Пожалуйста, поскорей!“—„Это повторил он несколько раз: „Скоро ли конец?“ и всегда прибавлял: „Пожалуйста, поскорей!“ А в эту минуту уже начался последний процесс жизни. Я стоял вместе с графом Вильегорским у постели его, в головах; сбоку стоял Тургенев. Дать шепнул мне: „Отходит“. Но мысли его были светлы. Изредка только полудремотное забытие их отуманивало. Раз он поднул руку Дали. И, пожавши ее, проговорил: „Ну, подымайте же меня, пойдем, да выше, выше... ну, пойдем!“ Но, очнувшись, он сказал: „Мне было пригрезилось, что я с тобой лечу вверх по этим книгам и полкам; высоко... и голова закружилась“.

Немного погодя он опять, не раскрывая глаз, стал искать Далеу руку и, потянув ее, сказал: „Ну, пойдем же, пожалуйста, да вместе“. Дали по просьбе его, взял его подмышку и приподнял повыше; и вдруг, как будто проснувшись, он быстро раскрыл глаза, лицо его прояснилось, и он сказал: „Кончена жизнь“. Дать, не расслушав, отвечал: „Да, конечно; мы тебя положили“.—„Жизнь кончена“—повторил он внятно и положительно. „Тяжело дышать, давит!“—были последние слова его.

М. ГОРЬКИЙ ОБ А. С. ПУШКИНЕ

Вкратце укажу на следующее преимущество Пушкина перед современными поэтами: он не оставил ни одной стороны жизни, не освистив ее своим талантом; круг его интересов, широта знаний до сей поры остается непревзойденной. Он дал образцы всех форм литературного творчества: драму, роман, поэму, сказку, сонет и т. д.

...Многие из современников Пушкина владели словом почти так же искусно, так же легко, как он, но никто из них не смог соединить в стихе простоты и ясности слова, с музыкой его, никто из предшественников и современников его не мог возвыситься до таких стихов, какими написан, например, „Пророк“. Пушкин первый настоящим ввел в язык полногласность: он перестал писать „брада“, „власа“, „глад“ и писал „борода“, „волосы“, „го-лод“, но, когда тема стихотворения требовала каких-то особенных, железных слов, он не стеснялся брать их из славянского языка, как мы видим это в „Пророке“.

...Пушкин любил свободу искренно и жарко.

...В то время не один он ждал, когда же, наконец, вспыхнет над родиною зоря „свободы просвещенной“, но только он ожидал ее с тоской и страстью, до него никем еще не испытанными.

...Он чутьем понимал смысл исторических событий.

...Обвиняют Пушкина обыкновенно в презрительном отношении к черни, к демократии; опираясь на это отношение, реакционеры не однажды зачисляли великого поэта в свои грязные ряды.

...В 22 г. появляются в русской литературе стихи Слепушкина—это ярославский крестьянин, рабочий на мельнице, торговец пареной грушей, затем—лавочник, самоучка-поэт и живописец-портретист, которого академия наук поощрила за его стихотворения золотой медалью и 50 червонцами, а царь подарил почетный кафтан и золотые часы. Это был талант посредственный, хотя Сенковский сравнивал его со знаменитым поэтом древней Греции Феокритом и стихотворения Слепушкина переводились на английский, французский и немецкий языки.

Пушкин немедленно обратил на него внимание, познакомился и пишет о нем Дельзигу: „У Слепушкина истинный свой талант, пошел ему монах стихов с тем, чтобы он мне не подражал, а шел бы своей дорогой“.

Позднее, узнав, что самоучка-поэт увлекается славой своей и это портит его, Пушкин восклицает: „Это вы погубили человека, набросав ему в рот всякой дряни вашей, а его беречь надо бы: ведь он от народа!“.

Мне дорог Пушкин всем

Непревзойденный художник Александр Сергеевич Пушкин так захватывает всей внутренней глубиной и красочностью изображения какого-либо жизненного явления, что забываешь всю окружающую обстановку и невольно переносишься в тот мир, который хочет он передать.

Меня восхищает та страсть, любовь и теплота, с которой Пушкин относится к предмету своего изображения. Нет такого произведения, где бы он холодно, небрежно фиксировал отдельные факты жизни. Он органически переживает, чувствует, любит и видит все стороны своего предмета изображения, он неразрывно связан с ним, почему и находим, что его произведения—это жизнь.

Студент Н. Федоров.

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Шайка жадная чужих
Невежд безумных и пустых
За чины, за власть и злато
Казнить родного брата
Была готова; эта свора
В душе не чувствуя позора,
Украда жизнь поэта мира,
Сердце песен и стихов.
На много лет замолкла лира;
Затих вулкан великих слов.
Остыло дивное светило,
Их много было,
Но знает свет:
Таких, как ты, поэт,
Природа больше не творила.

Прошло сто лет, как умер
Гений,

18 Чем дорог мне А. С. Пушкин

Великий русский поэт А. С. Пушкин революционизировал русский язык, придав ему современную форму. Он мог сделать это и потому, что был исключительным талантом, и потому, что обратился к неиссякаемому фонду народных диалектов и народного фольклора, выведя таким образом русскую литературу из плена ложноклассических описаний и из пут церковнославянских выражений. Язык А. С. Пушкина — простой, всем понятный, а его образы — живы и до всех доходят. У А. С. Пушкина человек в каждом возрасте найдет что-нибудь новое, ибо А. С. Пушкин был не только талантливым поэтом, но и человеком глубоко образованным, а также гражданином общества его времени, отличавшегося бурными революционными сдвигами окончательной победы буржуазного строя и зарождения социалистических идей.

Я помню, какие живые и трогательные образы вызвали у меня, когда я начал учиться в школе, такие простые строфы, как:

„Зима. Крестьянин, торжествуя,
на дровнях обновляет путь“

и т. д.

Я сам в это время катался на санках, и картина зимы, нарисованная здесь, была созвучна каждому мальчику. И сколько в творениях поэта рассыпано гениально простых и высокохудожественных описаний нашей родной природы, которая после ознакомления с ними становится еще более дорогой. До сих пор у меня порою навертываются на глазах слезы, когда услышишь, например, весною звуки кукушки, и каждый раз вспомнишь соответствующее описание у А. С. Пушкина.

Среди читателей

Нередко, когда мы, студенты, говорим на литературные темы, о писателях, разговор непременно заходит о Пушкине. У каждого громадное влечение к поэзии и прозе Пушкина. У каждого Пушкин любим по своему, но эта любовь обычно сводится к национальной гордости своим великим и гениальным русским поэтом. Пушкина любят как родоначальника русского литературного языка, как нашего современника, произведения которого оставляют у нас неизгладимое впечатление, ибо они наполнены радостью, солнечной теплотой и исключительной образностью.

— Взять хотя бы такой всем известный отрывок из романа „Евгений Онегин“, — и наш собеседник Айзикович, в одном из наших разговоров о Пушкине, начал цитировать:

Зима!... Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь...
Айзикович старался все свое мастерство вложить в стихи Пушкина, чтобы передать их теплоту, правдивость.

...Вот бежит дворовый мальчик,
В саразки Жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалуи уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно... —

Сколько в этих, кажется, простых словах, образности, я бы сказал нежности! Нет, только Пушкин так живо может передать природу — зиму, — говорил наш читатель, много раз прочитавший всего Пушкина и знающий на память очень много мест из „Евгения Онегина“.

Другой наш собеседник Толя Колесников тоже очень живо поддерживал разговор о Пушкине.

— Вы знаете, ребята, я достал

Вообще, на природу, которая красую вечно сияет, я научился смотреть во всем многообразии ее проявлений у А. С. Пушкина. В частности, я, житель барабинской степи, никогда не видавший в юности гор, вспылал к ним любовью именно под впечатлением описаний А. С. Пушкина, а также М. Ю. Лермонтова, и вопреки настойчивым предложениям учителей гимназии, где я учился, пошел на филологическое отделение университета, я выбрал горное отделение, только что открывшееся тогда, томского технологического института. И я бесконечно благодарен А. С. Пушкину, что он отвлел меня от судьбы быть сухим учителем латинского или греческого языка.

Я не буду останавливаться на том, как томики стихов А. С. Пушкина были постоянными спутниками наших юношеских мечтаний. Должен лишь отметить, что они действовали на мою душу облагораживающим образом.

И я завидую современному поколению молодежи, которой столь доступны и понятны гражданские, социально-политические высказывания и образы поэта.

А. С. Пушкин является более понятным советскому читателю, чем человеку прежней эпохи, ибо только теперь раскрывается литературное наследство поэта и писателя во всей его полноте и многообразии изображенных сторон природы, общества и человека.

Потому творения А. С. Пушкина столь близки нам, и советское общество считает его своим великим поэтом.

Профессор, доктор М. Усов.

самое полное собрание сочинений Пушкина и читаю все снова. Нахожу столько новых интересных мест что мне теперь, кажется, что Пушкина читать можно много раз и не с убывающим интересом.

— Когда читаю Пушкина, я чувствую, как об этом писал в свое время Белинский, что произведения великого поэта играют для меня большую воспитательную роль, они помогают оформлению моего мировоззрения.

Читатель Пушкина и наш собеседник много говорил о великом писателе, ибо он знал его хорошо.

Колесников многое прочитал о жизни Пушкина и знает, каким веселым и жизнерадостным был поэт в наши юные лета, как он любил жизнь и каким свободным любимым поэт отличался.

Много было разговоров об Александре Сергеевиче Пушкине. Каждый хотел поделиться каким-нибудь моментом из жизни поэта, который по его мнению другие не знают и который он почерпнул из какого-нибудь письма Пушкина или о Пушкине.

Даже студент И., много рассказавший интересных вещей о Пушкине, из записок секунданта Д'Ардшиака, но не обожающий вообще поэзию, в нашем разговоре в конце нам сказал:

— Я хотя и не особенно люблю поэзию, но перед поэзией Пушкина преклоняюсь и всю ее прочитал, а что касается его прозы, то я просто восхищен ею и много раз перечитываю все повести Белкина, „Дубровского“ и остальное наследие Пушкина. Такой занимательности фабул и такого реализма в других книгах трудно найти.

И. Рольник.

НА СНИМКЕ: Пушкин в юности. Снимок с портрета, гравированного Е. Гейтманом. Это первый портрет Пушкина, появившийся в печати. Портрет был приложен к первому изданию поэмы Пушкина „Кавказский пленник“, напечатанной в 1822 году.

(Фото СОЮЗФОТО)

ЭПИГРАММЫ ПУШКИНА

Больше всего эпиграммы написано Пушкиным не на его личных врагов, а на врагов политических, общественных: на правительство, его агентов, на царя и, главным образом, на журналистов и критиков.

Пушкин пишет на возвращение Александра из-за границы:

„Ура! В Россию скачет
кочующий деспот.“

Спаситель громко плачет,
А с ним и весь народ.

Мария в хлопотах Спасителя страшает:
„Не плачь, дитя, не плачь, сударь!“

Вот бука, бука — русский царь!
Царь входит и вещает:

„Узнай народ российский,
Что знает целый мир!“

И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.

О, радуйся, народ: я свет, здоров и
тучен!

Меня газетчик прославлял,
Я ел и пил и обещал —

И делом не измучен.
Узнай еще прибавку,
Что сделаю потом:

Лаврову дам отставку.
А Сопа — в желтый дом;

Закон постановлю на место вам
Горголю!

И людям все права людей
По царской милости моей
отдам из доброй воли.“

От радости в постеле
Запрыгало дитя:

„Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?“

А мать ему: „Бай, бай! закрой свои ты
глазки!“

Пора уснуть бы, наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки!“

Пушкин написал эпиграмму на „правителя“ России — графа А. А. Аракчеева:

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель

И Совета он учитель,
А царю и друг и брат.

Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,

Кто ж он „преданный без лести“
— грошевой солдат.

Досталось от него и божьим
угодникам. Еще в 1818 году он

написал эпиграмму на архимандрита Фотия:

Полуфанатик, полуидиот,
Ему орудием духа язык —

Проклятье, меч и крест и кнут.
Пошли нам, господа, треховым,
Поменьше пастырей таких —

Полублаих, полусвятых.

И на графиню Орлову:

Благочестивая жена
Душою богу предана,
А грешной плотью

Архимандриту Фотию.

Своих врагов, тех, кого он

считал подлецами, Пушкин хлестал эпиграммами необыкновенно

больно.

В 1820 году он был оскорблен

графом Федором Ивановичем

Толстым Американцем, распустившим про Пушкина позорные

его честь слухи. Этот Толстой Американец был крайне

Если у Пушкина отбросить часть „мелких“ стихотворений, написанных к случаю, то-есть те, которые обычно называются „ками пера“, и обратить внимание на целый ряд всякого рода „маскировок“, то перед нами ясно обнаружится одна основная сторона в творчестве великого поэта — это симпатии к декабризму и к его руководителям.

Как только А. С. Пушкин вступил на свое литературное поприще, то сразу „среди цветущих нив и гор“ он увидел „езде невежества губительный позор, девы юные цветут для прихоти пазвратного злодея“, и „барство дикое“, незаконно „насилственной лозой присвоило себе и труд, и собственность, и время земледельца“.

Но юный ум Пушкина (ему в то время было 14 лет) думал, что царь умерит ужас, даст жизнь народу и стал ждать прекрасной зари, когда увидит он „народ неугнетенный и рабство, падшее по манию царя“.

боширом; он убил на дуэли одиннадцатого человека; играл в карты заведомо нечисто; участвуя в кругосветном путешествии Крузенштерна, он своим поведением вынудил начальника экспедиции высадить его где-то на Алеутских островах.

К тому времени, о котором идет речь, Толстой „угомонился“: он был женат и жил отцом семейства, сохранив из всех своих „страстей“ одну: страсть к карточной игре. Пушкин, сосланный на юг и не имевший поэтому возможности вызвать на дуэль своего оскорбителя, написал и распространил такую эпиграмму:

„В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.“

Но, исправясь понемногу,
Он загладил свой позор,
И теперь он — слава богу, —
Только что картонный вор.“

На Фадея Булгарина:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях.

Пожалуй, будь себе татарин —
И в том не вижу я стыла.

Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фигарини.

На графа Воронцова:

Полугерой, полуидиота
К тому же еще полу-подлеца.

Но тут однако есть надежда,
Что полный будет наконец.

Когда вышла в свет „История“

Карамзина, Пушкин великолепно

пригвоздил ее своим стихом.

На плаху истину влача,
Он доказал нам без пристрастия

Необходимость палача
И прелесть самовластия.

Он пишет:

В России нет закона,
В России столб стоит,
К столбу закон прибит,
А на столбе корона.

Далеко не все эпиграммы Пушкина были им напечатаны: одни

не пропустила цензура, другие

он сам не хотел давать в печать,

довольствуясь их распространением в списках или из уст в уста.

В своей неоконченной статье о протее Баратынском Пушкин

писал:

„Эпиграмма... скоро стареет и,
живое действуя в первую минуту,
как и всякое острое слово, те-
ряет всю свою силу при повто-
рении.“

Напротив, в эпиграмме Баратынского сатирическая мысль

принимлет оборот то сказочный,

то сатирический, то драматиче-
ский и развивается свободней и
сильнее. Утыкнувшись ей, как

острому слову, мы с наслажде-
нием перечитываем ее, как про-
изведение искусства.“

То же самое можно сказать и

об эпиграммах самого Пушкина.

ДРУГ ДЕКАБРИСТОВ

Вскоре у Пушкина „исчезли юные забавы“, а 1820-ые годы родили декабризм. И поэт крепко хватается за их программу и верен ей в течение всего периода своей литературной деятельности, несмотря на то, что экономика страны изменилась и „лоно волн измял с налету вихорь шумный“, при этой буре „погиб и кормщик и пловец“ и ряд самах декабристов отказались от своей программы; а певец „сквозь свой магический кристалл“ — „ясно различал“, что „придет желанная пора“, придет то время, когда „цепи тяжкие падут, темницы рухнут и свобода гордая певица“ воспоеет свободу миру. Хотя „иных уж нет, а те далеке — во глубине сибирских руд“.

И не случайно, что Пушкин в течение всей своей славной, но весьма короткой жизни, так сильно тяготел к декабристам. Не случайно, что поэт в течение всей своей литературной деятельности разделял идеи декабристов, стоял на их стороне и всей душой и силой своего таланта вдохновлял их на борьбу с царизмом. Студент П. Зернов.

ПУШКИН НАМ БЛИЗОК

Начало 1937 года ознаменовано заседаниями Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов, на котором принята Конституция РСФСР — крупнейшая дата в истории русского народа. Начало того же 1937 г. совпадает с датой столетия со дня трагической смерти А. С. Пушкина, величайшего русского художника слова, память которого сейчас чтит вся наша страна.

„Чуждо ли нам, великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости?“ — спрашивал В. И. Ленин и отвечал: „Конечно, нет“.

Мы гордимся тем, что мы граждане своей великой родины, чьи права и обязанности запечатлены теперь в Основном Законе страны. Но мы гордимся и русским языком, на котором написана наша Конституция и блестящие произведения лучших представителей русской мысли (Толстой, Горький, Менделеев и друг.).

Наш язык становится в настоящее время интернациональным: произведения Ленина и Сталина читаются во всем мире. Русский язык в том виде, как мы его теперь знаем, как литературный язык, образный, сочный, гибкий и могучий, ведет свое начало от А. С. Пушкина, который был несомненным революционером в этой области, освободившим наш язык от искусственных пут прошлой казенщины.

Сам А. С. Пушкин был патриотом в лучшем смысле этого слова, крепко связанным с природой своей страны и народными ее массами: корни творчества его уходили глубоко в эти массы, отсюда сила этого творчества, сделавшая Александра Сергеевича народным поэтом, понятным широким массам, на протяжении целого века с неслабым интересом изучающим замечательные произведения поэта.

Народный поэт — вот за что мы все его любим: образы его и язык нам близки и понятны.

Будем же все глубже и глубже изучать дорогого нам поэта и будем твердо помнить, что своей обаятельности он достиг не только в силу своей наследственной гениальности, но и путем упорного труда над собой. Профессор, доктор Бутаков И. Н.

РАЗГОВОР МАЯКОВСКОГО С ПУШКИНЫМ

Изображение Маяковского в качестве врага Пушкина и всех классиков проскальзывает и в некоторых статьях, появившихся после революции. Эта мысль неумна и неправильна.

Но столь же неправильно было бы уверять читателя в том, что Маяковский всегда превозносил Пушкина и считал себя его учеником.

Стоит задать вопрос: какой Маяковский? Маяковский 1914 г. серьезно отличался от Маяковского периода "Роста" и от Маяковского эпохи первой пятилетки, написавшего "Во весь голос".

Группа молодых поэтов, к которой принадлежал Маяковский в юности, боролась не против самого Пушкина, а против применения его имени буржуазными критиками для несложной аргументации: "вот вы хотите писать по-новому, а Пушкин так не писал, а вы лучше Пушкина не напишете".

На состоявшемся тогда же (1918 г.) диспуте о пролетарском искусстве Маяковский очень хорошо ответил на упреки в пренебрежении к классикам. Он заявил, что он первый готов "возложить хризантемы" на могилу Пушкина, но он не согласен, чтобы тень памятника давила начинающие живые поэты.

Несколько лет спустя, когда эти упреки вновь повторились, Маяковский в одной из своих речей прекрасно и точно сформулировал свое отношение к Пушкину, как к великому мастеру, у которого могут учиться и современные поэты:

"Вот, Анатолий Васильевич упрекать в неуважении к предкам, а я месяц тому назад, во время работы, когда Брик начал читать "Евгения Онегина", которого я знаю наизусть, не мог оторваться и слушал до конца и два дня ходил под обаянием четверостишия:

"Я знаю: жребий мой изменен,

Но, чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен
Что с вами днем увижусь я".

Конечно, мы будем сотни раз возвращаться к таким художественным произведениям и даже в тот момент, когда смерть будет накладывать нам петлю на

шею, тысячи раз; учиться этим максимально добросовестным творческим приемам, которые дают бесконечное удовлетворение и верную формулировку взятой, диктуемой, чувствуемой мысли. Этого ни в одном произведении в кругу современных авторов нет".

Это малоизвестное высказывание Маяковского чрезвычайно ценно. Мы до сих пор мало знаем Маяковского, как читателя стихов, Маяковского, как человека богатейшей поэтической культуры.

В творческом пути Пушкина и Маяковского есть черты, которые сближают их как лучших представителей нашей поэзии.

Прежде всего это то "максимально добросовестное" (как говорил Маяковский) отношение к своему поэтическому делу, чувство величайшей ответственности перед читателем, стремление в каждой строке, в каждом образе и эпитете добиться предельного выражения своих мыслей и эмоций.

И Пушкин и Маяковский понимали создание поэтического произведения как трудовой процесс, требующий мобилизации всех знаний и навыков поэта.

Узорная сеть черновиков Пушкина, перебранных и снова ставших черновиками, бесчисленные "стиховые заготовки" в записных книжках Маяковского и его неистощимое "бормотание" еще неоформленных строк и строф — все это явления одного порядка.

Вторая — и несравненно более значительная — черта сходства — это подлинная "народность" Пушкина и Маяковского, связь их поэзии с живым разговорным языком и с фольклором.

И наконец третья (и самая главная) черта близости Пушкина и Маяковского — высокая социальная направленность их поэзии, стремление поднять большие и острые темы эпохи и дать им выражение в монументальных формах "лирико-эпических" поэм. Поэтому "Во весь голос" Маяковского перекликается с "Памятником" Пушкина и поэтому имена их для нас стоят рядом, как имена двух великих народных поэтов.

Из статьи В. Тренина в журнале "30 дней" (№ 10 1936 г.).

К ИТОГАМ ПУШКИНСКОЙ ВИКТОРИНЫ

Ниже мы печатаем ответы на пушкинскую викторину опубликованную в нашей газете (№№ 40, 41 за 1936 и № 2 за 1937 год).

Ответы 1-го выпуска.

1. Ода "Вольность". В этой оде поэт подвергает острой критике феодально-крепостнический строй.
2. Поэма "Гаврилизда". Поэма пронизана атеистическими мотивами.
3. "Каменный гость". Скупой рыцарь, "Модарт и Сальери", "Пир во время чумы".
4. "Капитанская дочка", была окончена в 1826 г.
5. Поэма "Руслан и Людмила". Пушкин работал над ней в период 1817—1820 годов.
6. Художник Тропинин, оригинал хранится в Третьяковской галерее.
7. Ане Петровне Керн. Стих, посвященный встрече Пушкина с Керн в 1819 г. в доме Осиповых.
8. Английского поэта Байрона.
9. Поэма "Граф Нулин".
10. Английского поэта Байрона. Эта строка в романе "Евгений Онегин" глава VII стих XXII.
11. В стих. "Деревня", написанном в 1819 году.
12. Сказка "О поле и его работнике Бадде".
13. В рассказе "Станционный смотритель", в образе чиновника Вярника.
14. О пугачевском восстании.
15. Медный всадник в лице Евгения.
16. Роман в стихах "Евгений Онегин".
17. 10-ю главу, написанную им позже. В которой он говорил об императоре и его дворе.
18. Старик цыгану из поэмы "Цыганы".

Ответы 2-го выпуска.

1. В рассказе "Метель", из повестей покойного Бедкина.

2. Разбойник Кирджали, по русски значить витязь, удалец.
3. Граф Аракчеев, архимандрит Фотий, Александр 1-й, губернатор Воронцов, Булгаков.
4. Село Михайловского и именные соседи Тригорское.
5. Святигорский монастырь в селе Михайловском.
6. Из Вл. Маяковский в стих. "Юбилейное", посвященном Пушкину.
7. Поэт Тютчев.
8. Вл. Маяковский, в своем отате Брюсову, когда тот решил самостоятельно дописать пушкинские "Египетские ночи".
9. Старый лицейский товарищ, полковник Данзас.
10. Анна Ал на Пушкина — впушка поэта Григорий Ал-виз Пушкин — звук поэта и несколько правнуков.
11. "Выстрел", "Метель", "Гробовщик", "Станционный смотритель", "Барышня-крестянка".
12. Баллада "Песнь о вешем Олеге".
13. К циклу "Песни западных славян".

Ответы 3-го выпуска.

1. Роман в стихах "Евгений Онегин".
 2. Стих. "Бахчиская песнь".
 3. Посвящение к "Кавказскому пленнику".
 4. Стихотворение "Анчар".
 5. Стих. Державина "Памятник".
 6. История пугачевского бунта.
- Наиболее точные ответы были присланы товарищами: 1. Шелеповым, 2. Кашинским. Тов. Комашинский прислал очень хорошие ответы, но допустил ошибки в ответах 2-го выпуска.
- Решением пушкинского комитета за ответы по пушкинской викторине и участие в выпуске пушкинских страниц премированы тов. Шелепов и Комашинский.

НИКОЛАЙ I ЦЕНЗОР И РЕДАКТОР ПУШКИНА

После коронации Николай I-й заявил Пушкину, что он сам будет цензором Пушкина. Но он был не только цензором Пушкина но и его редактором.

Первые произведения А. С. Пушкина, подвергнутые цензуре Николаем были произведения: "Борис Годунов", "Граф Нулин", "Сцена из Фауста", "Записки о народном воспитании", которые были заказаны 8-го сентября 1826 г. на царской аудиенции, где царь обещался взять на себя цензорские обязанности. Это подтверждает письмо Бенкендорфа за сентябрь 1826 г. написанное поэту "...его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметом о воспитании юношества".

Царь внимательно прочел эту рукопись и сделал много пометок. Об общем мнении царя по этой записке написал поэту все тот же Бенкендорф — правая рука царя — начальник знаменитого III-го отделения:

"Его величество при сем заметил изволял, что принятое Вами, правило, будто бы просвещение и гений служат исключительным основанием совершенству, есть правило опасное для общего спокойствия, завлекшее Вас самих на край пропасти и повергшее в оное толкое число молодых людей".

Пушкин говорил после этого Вульффу: "Я был в затруднении, когда Николай спросил мое мнение о сем предмете. Мне бы легко было написать то, чего хотел, но не наблю же пропускать такого случая, чтоб сделать добро. Однако, я между прочим, сказал, что должно полагать частное воспитание. Несмотря на то, мне вымалы голову".

Бенкендорф был на самом деле не только посредником между Пушкиным и царем с мнением которого царь безоговорочно соглашался, но даже больше. Бенкендорф был совершенно чужд литературе и ничего не понимая в стихах, даже с цензурной точки зрения, он отдавал рукописи Пушкина чиновникам III отделения, компетентным, по его мнению, в литературных делах.

Цензура была строга, Пушкин однажды прочел своим друзьям "Годунова", а Бенкендорф уже предложил представить эту рукопись царю. Царь не читал эту рукопись. Разбор, сделанный чиновником III-го отделения был представлен Николаю, прочтя который он велел записать Бенкендорфу: "я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если бы с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или роман на подобие Вальтера Скотта".

Пушкин получил рукопись обратно вместе с выпиской 6 мест, подлежащих исключению и ответил Бенкендорфу: "согласен, что она "комедия" более сближается с исторический роман, чем на трагедию, как государь император изволил заметить. Жалею, что я не в силах уже переделать мною однажды написанное". Только 4 года спустя Пушкин добился разрешения на издание трагедии.

Как редактор, Николай проявил себя тем, что он не только разрешал или запрещал тот или иной текст (как цензор), но и позволял себе вводить собственные слова в текст Пушкина. Таких рукописей с поправкой Николая I имеется три: Отрывок из "Путешествия в Арзрум", "Медный всадник" и "История пугачевского бунта". В "Путешествии в Арзрум" есть такое место: "Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но легче для нашей лености в замену слова живого, выливать мертвые буквы, и посылать немые книги людям, незнающим грамоты".

Николай вычеркнул ряд слов, вставил свои и получилась фраза, напечатанная в "Литературной газете": "Кавказ ожидает христианских миссионеров. Но пример лучшего и слово живое, будут действительно, чем выливать мертвые буквы и посылать немые книги людям, незнающим грамоты".

Мысль Пушкина была та, что правительство легкомысленно отделяется посылкой евангелия неграмотным людям, вместо посылки проповедников. Николай же сибей поправкой как бы обещает, что проповедники будут посланы. Через 6 лет Пушкин исправил эту неслучайную фразу.

Впервые "История пугачевского бунта", Пушкин озаглавил как "Историю Пугачева", но Николай написал новое заглавие "История пугачевского бунта". Государь император переменял слова указав не потому, что тут полагалась ошибка, а рассуждая, что преступник как Пугачев, не имеет истории".

Все пометки на рукописях Пушкина, сделанные Николаем I, имеют одну направленность, они стоят на страже царских интересов, "честь" царской армии, церкви, правительства. Роль редактора была не по плечу Николаю, это было ясно прежде всего самому Николаю, по слову повторявшему мнение других. Ясно было и самому Пушкину, называвшего царя "литератором не весьма твердым". Таковы некоторые штрихи из истории редакторства царя над поэтом, который своим редакторством, третьим отделением и сворой приближенных из царской свиты довел величайшего поэта до смерти.

(Из статьи Зенчер в журнале "Лит. наследство" № 16—18 1934 г.).

19 Выворчевать до конца вредительские теории

Закончившийся процесс антисоветского троцкистского центра со всей яркостью вскрыл жуткую и мерзкую картину вредительства этой продажной шайки изменников, шпионов, убийц и диверсантов. Большая вредительская, подрывная работа проводилась этими бандитами и на рудниках Кузбасса.

Вредительские теории и практика, проводимые фашистским агентом Строиловым и его друзьями, нашли свое отражение и в преподавании на горном факультете индустриального института. Декан горного факультета, профессор Стрельников в преподавании систем разработок мощных крутопадающих пластов рекомендовал студентам вредительскую камерно-столбовую систему разработок. В своей книжке "Системы разработки мощных пластов Прокопьевского рудника в Кузбассе" профессор Стрельников, развивая эту вредительскую теорию, пишет: "Надо думать, что эту возможность выемки угля в зонах без крепления на выходах пластов при устойчивых боковых породах при крутом и наклонном падении пластов, как один из самых дешевых способов и с высокой производительностью трудящихся, следует иметь в виду в последующее время".

Здесь мы имеем налицо умышленное перенесение профессором Стрельниковым капиталистических методов и систем разработок в советские условия, без всякого критического анализа их. Хищническая капиталистическая форма эксплуатации каменно-угольных месторождений системой камер, широко применяющаяся в Пенсильвании, была перенесена вредителями на рудники Кузбасса, а проф. Стрельниковым — в свои учебники и в преподавание.

Будучи на рудниках Кузбасса, в частности, на Прокопьевском руднике, профессор Стрельников лично видел, что эта вредительская система разработки опасна для жизни рабочих, что она ведет к большому количеству пожаров и огромным потерям. Стрельников и раньше было известно, что эта система опасна для жизни рабочих, о чем он, не стесняясь, пишет в цитированной выше книжке.

Стахановцы Кузбасса не раз решительно высказывались против этой вредительской системы. Однако, профессор Стрельников попрежнему продолжал воспитывать студентов горняка в духе этой вредительской теории. И совершенно не случайно, что 6 человек дипломников в своих проектах приняли камерно-столбовую систему разработок мощных крутопадающих пластов. Профессор Стрельников и его сподвижники коммунист Гусев одобрили их выбор.

Профессор оправдывается тем, что он, во-первых, не знал, что это вредительская система, а, во-вторых, она была утверждена Кузбассгумом. Но это не оправдание! Не надо быть профессором, чтобы видеть всю вредительскую сущность этой системы: огромные потери угля, разведение пожаров и опасность убийства рабочих. Ряд инженеров еще летом 1936 года резко высказывались против этой системы. Кроме того, некоторые студенты в 1936 году также указывали Стрельникову, что камерно-столбовая система разработок является государственным преступлением. Между тем, эту вредительскую систему профессор Стрельников защищает и по настоящее время. Он оправдывает ее, как правомерную и технически необходимую систему.

Профессор Стрельников выпустил из преподавания важнейший раздел — управление кровлей, — имеющий исключительное значение на рудниках Кузбасса. В преподавании он и его сподвижник Гусев допускают настолько сильные упрощения, что они граничат с неправильной технической подготовкой молодых специалистов. Так, например, в курсе расчета крепления распределения нагрузки на огниво рассматривается, как нагрузка сосредоточенная, отчего получается сильно преувеличенная толщина крепления, тогда как формула Прогольякова дает и без того запас в толщине крепления. На практике все это приводит к издичней затрате лесных материалов и растрате государственных средств.

Вопросы изучения техники безопасности на горном факультете находятся в загопе, со стороны деканата этому делу не придают того исключительного значения, которое оно имеет. В результате у студентов имеются чрезвычайно плохие знания по технике безопасности и, будучи на рудниках Кузбасса, они не всегда вовремя могли вскрыть вредительские акты в отношении охраны труда рабочих.

Студенты не воспитываются на новинках передовой техники. Они воспитыва-

ются на образах работ 1912 года, выставленных в лабораториях горного искусства. Нет ни одного макета образцов новых, современных систем разработок. В лаборатории техники безопасности имеется только одна допотопная лампа и больше ничего. Не лучше и в других лабораториях.

Осенью 1936 года тов. Эйхе при посещении горного факультета сделал резкое замечание руководству факультета по этому поводу. Прошло больше 4 месяцев, а лабораторий так и не оборудованы. Студенты не обучаются овладению механизмами и выпускаются совершенно неподготовленными, не умеющими обращаться с машинами.

В этом году, несмотря на плохие последствия прошлых выпусков и специальное предупреждение тов. Орджоникидзе, руководство факультета ничего не сделало для исправления коренных недостатков в работе факультета.

Работа научно-исследовательского института, возглавляемого профессором Стрельниковым, резко отстает от требований, поднимаемых социалистической практикой. А научные работники горняка, в том числе и коммунисты Гусев, Шалайников, Бычков и Баканов, проходя мимо вредительских актов, имеющих место на рудниках Кузбасса и в преподавании на горном факультете. Больше того, Гусев сам проводил на своих занятиях эту вредительскую теорию.

Случайны ли у Стрельникова эти, мягко выражаясь, ошибки? Нам кажется, не случайны. Стрельников долгое время работал в Кузбассгуме и являлся близким другом Строилова. Во всех своих лекциях Стрельников воспитывал в студентах рабское подчинение авторитету Строилова. Даже после того, когда группа вредителей во главе со Строиловым была арестована, Стрельников в разговорах даже с коммунистами хвалил этих мерзких выродков. И, как это ни странно, они не получали решительного отпора.

Позволительно спросить, почему научные работники горного факультета не хотят полным голосом сказать о вредительской теории, которую столько лет проводил профессор Стрельников? Почему они не разоблачают его? Не потому ли, что считают неудобным нарушать свои добрососедские отношения с профессором Стрельниковым?

Несколько странно поведение и партийной группы горного факультета. Она тоже до сих пор не выступила решительно против вредительской теории. Не разоблачив этой теории раньше, она усугубляет свою ошибку молчалим теперь, когда вредительская теория уже разоблачена.

Осенью прошлого года на октябрьском пленуме Крайкома ВКП(б) тов. Эйхе в своей речи по вопросу о работе Кузбассгума, со всей решительностью подчеркнул необходимость повышения бдительности и усиления борьбы против вредительских действий врагов в Кузбассе. Это прямо относилось и к Томскому индустриальному институту, горный факультет которого непосредственно связан с рудниками Кузбасса. Но дирекция и партийный комитет института из речи тов. Эйхе не сделали для себя никаких выводов. Больше того, в октябре же прошлого года партийный комитет и дирекция имели прямые сигналы о вредительских делах на горном факультете. Но и после этого они не приняли никаких мер для разоблачения вредительской системы угледобычи, которая внедрялась в сознание студенческой массы.

Не понял партийный комитет всей политической остроты этого вопроса и теперь. Во-первых, своей крайней медлительностью он затянул разрешение этого вопроса. А, во-вторых, при обсуждении этого вопроса на партийном, политическая сторона дела смазана и подменена делачеством и жонглированием научными терминами.

Это не партийный метод разрешения острых политических вопросов. Такая медлительность и делачество способны только смазать политическую сторону дела.

Партийный комитет индустриального института обязан выразить свою линию в этом вопросе и принять все меры к тому, чтобы до конца разоблачить и выкорчевать вредительские теории на горном факультете, добиться действительно го повышения революционной бдительности коммунистов, научных работников, комсомольцев и всей студенческой массы и оказать действительную помощь Кузбассу в его большой работе по ликвидации последствий вредительства.

(«Красное Знамя» от 5 декабря 1937 г.)

ОТДОХНУВШИ, С НОВЫМИ СИЛАМИ ЗА УЧЕБУ

Закончив семестр, каждый студент ставил себе вопрос: как лучше, веселее, здоровее провести 12-тидневные каникулы. Многие выехали домой, в круг своих родных, но не мало осталось и в Томске. Я хочу рассказать о том, как часть наших студентов отдыхали в доме отдыха „Басандайка“.

Дирекция дома отдыха совместно с дирекцией и общественными организациями института организовали хорошее питание отдыхающих студентов. Студентам были предоставлены чистые и теплые помещения с хорошими постельными принадлежностями. К услугам студентов было предоставлено не мало развлечений, игр и средств отдыха: пианино, струнные инструменты, бильярд, лыжи, шахматы, домино. Привозились свежие газеты.

Особенной любовью и успехом пользовался лыжный спорт. Ежедневно после завтрака или после обеда большинство отдыхающих отправлялись на лыжах путешествовать по скланной морозами Томи и ее берегам, и через два-три часа возвращались бодрыми, веселыми с раскрасневшимися лицами.

Увлекал отдыхающих и бильярд. Здесь даже турниры устра-

ивались. С первых же дней выявились „болеельщики“ бильярда, которые третье блюдо обеда доедали держа в руке кий, дабы не прозевать очередь. Не были свободными и шахматы, домино, шашки. Гитара, балалайка и пианино привлекали к себе не только исполнителей, но и слушателей. Надо все же признать, что любимцей отдыхающих был инструмент—пианино, которым особенно увлекался Ваня Макаров.

Ежедневно по дому отдыха разносились слова громкой коллективной песни. Тон задавал Алеша Самойленко. „Песнь о Родине“, „Марш веселых ребят“, „Партизанская“, „Ермак“, „Степан Разин“, „Славное море.“—таков репертуар песенников.

Я не упоминаю о том, что почти каждый отдыхающий имел на руках и читал томики из произведений Пушкина, Тургенева, Толстого, Горького и др. (хотя к слову сказать, библиотека не смогла полностью удовлетворить запросов читателей).

Итог таков: все отдыхающие хорошо отдохнули, набрались новых сил и готовы с еще лучшими успехами взяться за учебу в текущем семестре.

Г. Морозов.

ВЕЧЕР ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ

Недавно в Доме ученых состоялся вечер научных работников индустриального института и учащихся старших классов подшефной нам средней школы № 1.

Небольшой, но очень уютный зрительный зал Дома ученых наполнился нашими научными работниками и их женами, учителями и юными гостями—учащимися школы. В этот вечер молодые гости были веселы и чувствовали себя несколько приподнято. Опытный глаз не мог не заметить, что учащиеся в этот вечер ходили с гордостью. Да и как же им не гордиться? Сегодня их будут слушать ученые. Они будут выступать в концерте перед такими серьезными зрителями, как ученые.

Но вот занавес раздвигается и конференсье объявляет, что ученица 5-го класса Люся Бетехина исполнит на рояли музыкальное произведение Мендельсона „Венецианский Гондольер“. На этот раз на сцену вместо взрослого человека, как обычно принято здесь видеть, вышла маленькая девочка с большим бантом на голове. Она села за рояль и начала играть серьезную вещь, и сразу же заставила себя слушать. Замечательно сыграв всю вещь, она получила в на-

граду горячие аплодисменты от слушателей. Затем последовало соло-пение. Здесь отличились—Кира Мурзина ученица 10 класса, Нина Сурова (9 класс), Быкова. Интересно отметить, что все солистые номера пения сопровождалась под аккомпанемент талантливой пианистки Саратовской, ученицы 6-го класса. Эта небольшая девочка так же сыграла большое музыкальное произведение Бетховена „Лунную сонату“.

Немало одаренных детей выступило в этот вечер. Перед зрителями прошли певцы, пианисты, декламаторы (Власова), танцоры (уже знакомая нам Бетехина), плясуньи и молодая сочинительница стихотворений Балашова.

Все они замечательно выступили и призывали к себе внимание слушателя. После концерта учеников были танцы под струнный оркестр Дома ученых. В танцах принимали участие и ученые и молодые гости—школьники.

Говоря об интересном вечере, нельзя не отметить его организаторов—жен научных работников т.т. Геблер и Пономареву, а так же организатора концерта школьников—родительницу Саратовкину.

И. Рольник.

КАРНАВАЛ НА ЛЬДУ

Знакомые места... Мы проходим по аллее вдоль рощи университета, любуясь на ветки тополя, украшенных этими блистающими, как изумруд, снежинками. Особенно они красивы сейчас, вечером, когда при свете уличных фонарей они горят и искрятся, как звезды.

А вот и каток „Динамо“, к которому тянутся цепочкой студенты индустриального института. Сегодня здесь карнавал. На катке нас встречает звонкая песня „Широка страна моя родная“... она разливается по катку, летит дальше до каменных зданий и снова эхом доносится до нас.

На блестящем льду бьет жизнь ключом. Тут много пар и одиночек, они скользят по блестящей глади льда. Появившийся маленький ветерок не пугает катящихся, края их щеки, ша-

ловливо целуя в губы, высвистывает в ушах какую то знакомую мелодию.

Долго продолжается катание. Веселое радостное студенчество проводило на свежем воздухе последние дни каникул с тем, чтобы потом с новыми силами в новом семестре взяться за дальнейшее овладение вершинами техники.

Мы уходили с катка, а там еще катались, оттуда неслись девичьи голоса и их смех, как звон серебряных колокольчиков был слышен далеко за катком.

Счастливые студенческие годы! Они быстро пролетят, но дни упорной учебы, эти счастливые дни отдыха останутся непотухающими маяками в памяти каждого студента.

А на небе светили звезды...

Витя Любин.

НАШ ОТВЕТ

Вам нет пощады подлые убийцы, Её вы не просите!... нет! Вы отняли предательски у нас Сынов народа лучших, И мы сказали вам уже, Многоголосый—правильный ответ.

Ответ наш—расстрелять! Всю смрадную ту свору, Что посягала на нашу радостную жизнь, Ответ наш—ответ всего народа: Стирать и впредь с лица земли Советской предателей, убийц!

Изменник, мракобес Иуда-Троцкий

В предсмертных судорогах корчится своих, И тянет руку из заслуженной могилы

Шепча: „Кусочек бы мне вла-

сти... я бы их“... „И мне бы власти... и мне бы жертв побольше“...

Сквозь дрожь скулил дворняжка-Пятаков

„Я бы показал каков политик я „реальный““...

„И предводитель я каков“... О, свора дикая о, нечисть, мразь земная!

Не страшны ваши кровавые угрозы... нет! Мы ведь сильны сейчас, и мощ-

ны и едины И можем дать оружием сталь-

ным советским наш правильный рецитальный ответ!

Вы просчитались продажные бандиты

Не соразмерили всю нашу мощь

Ведь с нами весь народ И наша партия

И Сталин— Наш лучший друг, учитель вождей!

31 января 1937 г. Студент А. Федоренко.

СМЕРТЬ ВРАГАМ

Взрывали, грабили жгли—бандиты!

Народом созданное в десятки лет.

Ваши лица шахтерской кровью залиты.

За спиною кровавый след.

За смерть детей и шахтеров—смерть!

За гибель красноармейцев в крушениях!

Примите палачи, народный гнев

Великий гнев и жгучее презренье...

Колыбель революции, родину социализма,

Рожденную в бурю, боевом огне

Вы, подлые, продали в рабство фашизму

Обрекли на гибель, в грядущей войне.

Это последняя подлость, человека

Народной свободы воры!

Вы, кровавое чудовище века,

Чудовище человеческого позора.

Эй, пролетарии! Выше знамя!

Пусть пламенеет, горит звездой

С нами партия, Сталин с нами

Великий, мудрый родной.

Теснее ряды! Единой семьей

Коммунизм построим полный

Врагу не гасить над нашей землей

Революции реющих молний.

Н. Луныков.

ЗАБЫЛИ О ЧЕЛОВЕКЕ

Сталинская Конституция величайшей заботой и вниманием окружила трудящееся человечество. Она высоко поднимает достоинство советского гражданина и требует, чтобы в центре внимания советских и общественных организаций стоял трудящийся советский гражданин с его интересами, нуждами и запросами. Товарищ СТАЛИН учит нас неустанно заботиться о трудящемся человеке, вникать в его нужды; внимательно разбирать каждое заявление трудящихся и без промедления и волокиты удовлетворять это заявление, если оно справедливо.

Этого, никак не хотят понять некоторые работники профкома индустриального института.

Студент IV курса энергетического факультета Бондровский Василий неожиданно заболел. Врачи установили прогрессивный туберкулез второй стадии, и Бондровского изолировали из студенческого общежития и положили в туберкулезный диспансер. Тов. Бондровский подает заявление в профком, прилагает к нему акт медицинского освидетельствования о болезни и просит дать ему путевку в туберкулезный санаторий. Работники профкома тов. Юшкевич и Леухин приняли заявление, запросили Новосибирск (ЦК союза) и... материалы затеряли. 16 января пред. профкома тов. Федоров дает телеграмму, что из 4-х путевок в туберкулезный санаторий для тяжело больных используется только две: „Больше больных нет“. А тов. Бондровский?.. о нем позабыли.

Т. Федоров к работе в профкоме приступил недавно и в курсе всех дел еще не вошел, а другие работники профкома его об этом не информировали.

Классический ответ дал тов. Леухин, ведающий общественным питанием и оздоровительным делом в институте. „Ну, что-ж, если заявления Бондровского у меня и Федорова не оказалось, оно где-нибудь лежит в профкоме“...

После долгих мытарств тов. Бондровский получил путевку и выехал в санаторий. Можно было и не говорить о всей этой истории? Нет, говорить надо. Работники профкома произносят длинные речи о заботе к человеку, о чутком отношении к людям, о великой Сталинской Конституции и тут же эти слова забывают.

Винючники волокиты с тов. Бондровским должны быть наказаны.

Санаторно-курортным делом и питанием одно время руководил троцкист Плотников. Продолжительное время оздоровительной кампанией ведал подлый двурешник Бушин. После него дело передали Клепачу—сыну кулака, скрывшему свое социальное происхождение. Казалось бы, что уроков достаточно. Но, увы, выводов из этих уроков сделано очень мало.

Н. Смирнов.

Библиография

Книги по истории техники

В издании Обединенного Научно-Технического издательства вышли первые пять выпусков „История техники“, подготовленные комиссией по марксистской истории техники при КВТО ЦИК СССР. Являясь одной из первых попыток составления критической истории техники, обзоры дающие материал из различных ее областей. Книжки продаются отдельными выпусками в книжных магазинах и книжках книгобюта ОНТИ и КОГИЗ.

Новая книга по кузнечным машинам

Вышедшая из печати в издании Обединенного Научно-Технического издательства (ОНТИ) книга Голованова А. Т. „Электрооборудование кузнечно-прессовых машин“ (796 стр. ц. 3 р. 50 коп.), впервые в систематическом изложении знакомит читателя с основными вопросами расчета и конструирования электрооборудования кузнечных машин.

Книга утверждена ГУУЗ НКТП в качестве учебного пособия для машиностроительных вузов и представляет интерес так же для инженеров-механиков, специалистов по кузнечно-прессовому оборудованию. Трактовка вопросов ведется в машиностроительном разрезе.

Книгу можно приобрести в книжках и магазинах книгобюта ОНТИ и КОГИЗ.

Книга о гидравлических приводах

В связи с развитием металлообрабатывающей промышленности и становлением, освещенные в технической литературе наиболее рентабельных и современных методов конструирования привода к станкам и машинам приобретает особую актуальность. В этом смысле представляет интерес вышедшая из печати книга Ермакова В. В. „Гидравлический привод“ (238 стр. ц. 3 р. 50 коп.). В книге описаны основные конструкции гидравлических приводов, дана схема и принципы их работы, иллюстрированные большим количеством чертежей и приведены основные расчеты по основным графикам.

Книга утверждена ГУУЗ НКТП СССР в качестве учебного пособия для машиностроительных вузов и может быть использована как справочник для инженеров. Издана она обединенным Научно-Техническим издательством и продается в книжках и магазинах книгобюта ОНТИ и КОГИЗ.

Отв. ред. И. ЧЕРНЫШЕ

Тех. редакт. И. ФЕТИСОВ

Внутривузовское соревнование по боксу

6 февраля в зале для бокса, при значительном количестве студентов состоялись внутриинститутские соревнования по боксу.

В легком весе: Первое место занял Швецов, второе—Машуков. В полусреднем весе: 1-е—полетчик Консвалов и Дробинца. Условно без боя в легчайшем весе 1-е место—Кулаков, в полусреднем—Курак, в полутяжелом—Перцев. Многие боксеры не смогли принять участие, выехав на каникулы и в дома отдыха.

Замечательно, технически образцово работали Консвалов и Дробинца, блестяще показавшие разносторонние способности и нападения: нырки, уходы, блокжи, быстрые серии ударов. Очень хороший боксер Горезко случайно проиграл путем технического покая, допустив тактическую ошибку в 1-м раунде.

Промедление соревнования показательно „чистой“ работы: за все время не было ни одной царапины или капли крови, что говорит за высокий уровень технической подготовленности и хороших стилей работы бойцов.

Наша секция бокса существует 4-й год. В прошлом году мы были готовы к городским соревнованиям, не состоявшимся по причине отказа ТЭМИИТа и др. В краевых соревнованиях наши боксеры заняли места: в величайшем весе—Кулаков—первое место; в полусреднем—Курак—второе место; в тяжелом—Зайко—первое место по Западному и Восточно-Сибирским краям. Все боксеры, за исключением Курака, боксом начали заниматься в институте.

Благодаря заботы завкафедрой ФК т. Земляного и дирекции института, для боксеров созданы хорошие условия в их подготовке. Но сделано еще не все: нет перчаток, нет скакалок и пр.

Мы надеемся, что секция бокса будет оборудована полностью, и мы сможем в предстоящих городских и краевых соревнованиях занять одно из первых мест.

Б. Борисов.